

Девушки устроились за столом с тонкими ножками, установленном сладостями: но сохраняющим благообразный вид, словно сюжет изящных картин. Глядя на лежащие одно к одному яблоки, зерна граната и лоснящиеся финики, Баочжай думала, что не решится прикоснуться с ним, чтобы не нарушить гармонию вида. Она и Сяолин сидели на широкой лавке, но на достаточном расстоянии друг от друга, выражая тем самым и родственные связи, и отсутствие между собой близости. Обоих вполне устраивало подобное положение.

Со стороны колыбели Чэнхуа, к которой отошел Фэн Жун слышался его нелепый ласковый лепет, каким он у девочки спрашивал разные вещи: ей едва исполнилось четыре месяца, она могла теперь только улыбаться в ответ со снисхождением во взгляде.

Фэн Сяолин спросила:

— Как прошла дорога?

Баочжай, которая только было решила протянуть руку к угощениям, тут же выпрямила спину и ответила:

— Спасибо, сестра, все прошло благополучно. На улице сегодня холодно, но свежо, в такую погоду хорошо гулять.

— Стоит все же быть осторожнее, не подхвати жар, — с улыбкой отвечала Сяолин. Она сама, не приказывая служанкам, неспешно насыпала крупные листья чая и залила их водой. Движения ее были так легки и изящны, что невольно завораживали. И лучшие цветы прихотливых домов не обладали той грацией, какая была в каждом взгляде Фэн Сяолин, а улыбка ее была прекрасна, как прекрасен солнечный свет. Невольно думалось, что именно такая женщина, достойная воспевания своей красоты самыми прекрасными словами, должна быть рядом с прославленным генералом. Баочжай вдруг подумалось, что брак их словно одна из тех красивых давних историй, по которым вздыхают молодые господа. Собственная история с запретной любовью в этот миг показалась девушке несколько скучной. Сяолин между тем продолжала, фарфоровой крышечкой легко поглаживая поверхность чая. — Не так давно Жун-эр заболел, и до сих пор болезнь могла не отступить. Потому не проводи с ним слишком много времени.

— Спасибо сестре за беспокойство, — кротко отозвалась Баочжай. Со стороны между тем раздался голос Фэн Жуна:

— Я уже полностью оправился, не стоит и вспоминать! — впрочем, даже говоря так, молодой господин стоял в нескольких шагах от колыбели Чэнхуа, и к ней не прикасался, выглядя в этом положении несколько нелепо. Теперь же он, последний раз тепло улыбнувшись девочке, вовсе отошел к столу. — Я молод и крепок, с чего бы мне тревожиться из-за болезни?

— Вот как? — улыбнулась Сяолин. Однако в следующий миг темная тень беспокойства накрыла ее лицо. — А мне рассказывали, что ты несколько дней не приходил в себя.

Фэн Жун ласково взял руки сестры.

— Я чувствую себя куда лучше.

Фэн Сяолин вздохнула:

— Вечно ты заставляешь волноваться о себе...

— Это значит лишь, что моя судьба тебе не безразлична, — рассмеялся молодой господин без

тени смущения в ответ. Поглядев на Баочжай, он кивнул ей в сторону колыбели Чэнхуа. — Иди, взгляни на племянницу.

Девушка поняливо встала и ушла в указанную сторону: становилось ясно, что следующие разговоры ей лучше не слышать. И пусть, конечно, покои Сяолин не были таковы, чтобы в одном их конце не услышать было происходящего в другом, когда молодые люди понижали голоса, Баочжай различала только интонации. Впрочем, она и не желала подслушивать. Устроившись рядом с Чэнхуа, она взяла у одной из служанок ее игрушку и принялась дразнить девочку. Та счастливо улыбалась, не зная в своей жизни пока ни печалей, ни разочарования.

Фэн Жун между тем опустился рядом с Сяолин, а после и вовсе, не ведая приличий, лег на ее колени, прижавшись щекой к бедру сестры. Он бы и обнял его двумя руками — но не был уже давно маленьким мальчиком. Теперь пришла его очередь ото всех несчастий защищать Сяолин. Молодой господин сказал:

— Через своих людей Первая принцесса передала мне одно лекарство: лекарь Линь сказал, что без него бы я вряд ли оправился.

Руки Фэн Сяолин, привычно легшие на чужие плечи, сами собой сжались.

— Обязательно хорошенько отблагодари Первую принцессу, — глухо сказала она.

— Не волнуйся, цзе-цзе, я уже, — улыбнулся Фэн Жун, будто совсем не заметил тяжести, что легла от его слов в уголки чужих губ. Щеки его порозовели. — Тебе точно еще расскажут об этом, но этой ночью Ее Высочеству было позволено гулять вне дворца. И я ее сопровождал.

Голос Фэн Жуна был гордым — словно не говорил он о совершенно возмутительных вещах. Все знали, как дорога Императору Первая принцесса, и как он почитает разного рода дворцовые правила: чтобы вот так отпустить дочь... При дворце Фэн Жун, должно быть, добился чего-то невероятного. Фэн Сяолин не интересовалась дворцовыми делами, и знала лишь то, что полагалось знать жене ее мужа, потому и о достижениях брата не слышала. Иногда до нее долетали слухи о всяких возмутительных происшествиях при дворе — но девушка обращала на них внимания не больше, чем на палые сливовые лепестки.

— Ты... — пробормотала она с неверием. — Надеюсь не сделал ничего, что могло бы оскорбить Ее Высочество?

— Цзе-цзе, о чем ты говоришь! — возмутился Фэн Жун. — Я был самым обходительным и вежливым, я!..

Но тут же молодой господин вдруг вспомнил еще одного человека, что провел с ними эту ночь. Высокий, крепкий, он все время прогулки незримо охранял Фэн Жуна и Первую принцессу, помогал им, следил, чтобы текущая ручьем беседа не прерывалась пустяками... Он в самом деле был очень внимателен и добр, на его фоне молодой господин не посмел бы себя назвать таковым.

Заминку Фэн Жуна Фэн Сяолин приняла по-своему и глубоко вздохнула. Вымолить прощение принцессы может быть сложнее, чем всего пантеона богов. Девушка знала только слухи о Фу Айминь, и полагала, что, выращенная в любви, та капризна и придирчива: с такими людьми ее брат никогда не сходилась.

Однако Фэн Жун и тут смог удивить Сяолин. С бока перекатившись на спину на ее коленях, молодой господин запустил руку в рукав расшитых одежд и достал оттуда аккуратно

сложенный платок с золотой вышивкой по краю. Ткань была так чиста, что, казалась, светилась изнутри, и от платка Сяолин почувствовала незнакомый нежный аромат. Фэн Жун пояснил:

— Первая принцесса... — тут же он, впрочем, смутился и кашлянул. Платок молодой господин держал кончиками пальцев, словно сокровище, и глядел на него с затаенной нежностью. — Ее Высочество пожелала это оставить. Мне.

— Жун-эр... — пораженно пробормотала Сяолин, глядя то на платок, то на счастливое лицо брата. Только теперь она заметила смущенный румянец на его щеках и блестящие словно в лихорадке глаза. — А ты умеешь выбирать!

Фэн Жун от этих слов смутился еще более, сжал платок и снова спрятал его:

— Что ты такое говоришь! Это Ее Высочество!.. — но врать себе молодой господин все же не любил: — Если она заинтересована, я буду безмерно польщен...

Фэн Сяолин погладила его волосы. Ей всегда казалось, что делами любовными ее брат не интересуется и майн в своем дворе ценит больше, чем влюбленных в себя девушек. Однако, выходит, дело было лишь в том, какие это были девушки. Не пестрые пташки столицы, а сама величественная луань-няо отвечала придирчивому вкусу молодого господина...

Фэн Жун между тем продолжал:

— Этой ночью мне показалось, что Ее Высочество вовсе не против моей компании. И раньше мы встречались с ней после заседаний совета, но это все можно было списать на вежливость... Однако сегодня мы разговаривали с ней не замолкая: представь, в одном заведении мы заказали еды, нам принесли ее тут же, но когда я наконец попробовал — блюдо было уже холодным! А я и не заметил!..

— Не донимай Ее Высочество разговорами слишком сильно, девушки не любят болтливых, — ухмыльнулась Фэн Сяолин. Фэн Жун лишь отмахнулся от нее:

— Сколько звезд на небе, столько и причин у разных людей для любви и ненависти. Ее Высочеств слушалао меня и отвечала сама, потому ей это, конечно же, понравилось. Она не из тех, кто станет молчать о собственном недовольстве.

— Вот как?

— Именно, — кивнул с серьезным видом Фэн Жун и тут же принялся рассказывать, едва не захлебываясь в словах: как была красива Первая принцесса, как умна, какие забавные истории и поучительные сказки она знала. Любая тема с ней могла быть легка или трагична, и когда молодой господин был серьезен, она не принималась шутить, но улыбалась на каждую его, даже самую неловкую, шутку. В разговоре с ней казалось, что молодые люди понимают друг друга без слов — однако эти самые слова хотелось сказать до последнего, хотелось вытащить каждое затаенное чувство из подвалов души и далеких тайников, чтобы двумя руками преподнести ей, чтобы увидеть на ее лице улыбку. Фэн Жун был очарован, как очаровывает после вечного мрака рассвет.

Фэн Сяолин слушала его, не перебивая. В компании близких себе людей молодой господин не смущался ни слов, ни выражений лиц — потому слушать его такого было небывало увлекательно. Щеки его горели, глаза скользили по лицу сестры и убранству ее комнаты, но словно не видели перед собой ничего, заволоченные чудными воспоминаниями.

Небывало явственно Фэн Сяолин ощутила, что рядом с ней тот самый круглолицый мальчик, что трепетно рассказывал сестре о любой своей, даже самой незначительной, печали или радости. О ярких птицах во дворе отца, о надоедливых нянечках, а тревогах таких глубоких, какие могло познать лишь детское сердце. Фэн Сяолин не ощущала особенной печали, уезжая из родительского дома, и лишь теперь, пока ее драгоценный младший братец рассказывал восторженно о какой-то чужой девице ощутила, как выросли они оба. Девушку давно грели подушки чужого дома и чужие двери она отворяла каждый день, но теперь вдруг сварливо подумала, что стоит проследить за этой безумной влюбленностью Фэн Жуна. Обратилась бы она счастливым союзом, или чьим-то разбитым сердцем — Фэн Сяолин думала, что она никогда теперь не будет удовлетворена, поскольку незнакомая девка посмела взволновать сердце дорогого ей человека.

Но сказать о таких эгоистичных чувствах, конечно же, было нельзя, потому Фэн Сяолин лишь слушала с ласковой улыбкой. Она хорошо научилась лицедейству в поместье хоу, потому ей не составляло труда скрывать истинные свои чувства. Хотя, конечно же, брата она не страшилась и не выгадывала его реакцию, как поступала с Пань Танем.

— ...и, прежде чем она села в паланкин за воротами дворца, Ее Высочество еще несколько раз на меня посмотрела и прошептала что-то одними губами: правда я не разобрал, то ли это было прощание, то ли шутка...

— Если вы прощались у всех на виду, то сегодня, должно быть, слухи по столице полетят самые небывалые, — ухмыльнулась Фэн Сяолин. Молодой господин хотел ей что-то ответить, но тут вспомнил о чем-то и взгляд его помрачнел.

— Более чем, — сказал он и вздохнул. — Цзе-цзе, ты все равно узнаешь, потому расскажу я. С Ее Высочеством я гулял тайно, тогда как ее экипаж со стражей и слугами ездил по улицам с двойником. Ближе к утру на него напали.

— На экипаж принцессы? — округлив глаза, спросила Фэн Сяолин. Фэн Жун мрачно кивнул.

— Его сопровождали Пятый принц и господин Ли, они постарались отбить нападение. Однако их загнали на безлюдные улочки, двойника принцессы убили, в чем теперь точно обвинят Фу Ичжэня. И самое важное... — молодой господин запнулся. Покои Фэн Сяолин были светлы, тут пахло теплом и уютом, в стороне то ли кряхтела, то ли смеялась Чэнхуа, счастливая в собственном неведении. Фэн Жун кашлянул и закончил: — Напал на экипаж Пань Тань. Цзе-цзе, скажи, — молодой господин поднял взгляд, что стал на миг небывало серьезным. — Ты заметила, как он отлучался этой ночью?

Этого выражения на лице брата Фэн Сяолин никогда не видела. Серьезное, суровое, не понять было, о чем в этот момент думает юноша, но непоколебимость его взгляда заставляла невольно выпрямлять спину. Фэн Сяолин очень смутно помнила своих родителей, но этот взгляд показался ей небывало похожим на взгляд отца. Девушка никогда его не любила.

— Нет, — ответила она, невольно позволив предназначенной кому-то другому холодности просочиться в тон своего голоса. Сяолин тут же постаралась исправиться и улыбнулась уголками губ: — Новый год празднуют в кругу семьи, но кроме нас семья моего мужа — его подчиненные. Родственники многих из них находятся далеко от столицы, потому, чтобы они не тосковали, мой господин устроил прошлой ночью в поместье пир. Было много людей, он то был рядом со мной, то отлучался поздороваться с кем-то, да и сама я общалась с гостями, слушала актеров... Я не видела, чтобы он уходил.

— М-м-м... — протянул Фэн Жун, опустив глаза на сомкнутые на своей груди руки. Суровое выражение еще несколько мгновений уродовало его лицо, а после молодой господин вдруг глубоко вздохнул и снова завожился на коленях сестры, устраиваясь поудобнее. Теперь он лег лицом к ее животу и капризно нахмурился. — В любом случае ему не составило бы труда покинуть поместье так, чтобы никто не заметил, и также вернуться. Я и не верил, что он мог уйти открыто: это господин Ли просил у тебя спросить.

— ...какой подозрительный, — ответила Фэн Сяолин. Она не питала к Ли Инчуню ни любви, ни ненависти: может только немного неприятия.

— Пятый принц, конечно, расскажет, как было, но едва ли Император ему поверит. Доказательств нет у них обоих и ситуация в столице снова станет напряженной. В эту пору быть осторожна.

— Ты говоришь это мне? — усмехнулась Фэн Сяолин. — Я лишь ем и пью, тогда как тебе приходится иметь дело со всем этим... — «мерзостью»: едва не сказала Фэн Сяолин, но вовремя смогла себя остановить. Она в самом деле думала так: эти дворцовые дела, ссоры, упреки, тайные умыслы и не менее тайные деяния — девушка не хотела иметь с этим ничего общего. Одни разговоры о неприятных вещах расстраивали и беспокоили ее, но отнюдь не из-за нежного характера. Необорот, нрав Фэн Сяолин был подобен крепкому мрамору: мрамору, что предпочитал мирно лежать на вершине горы, греться на солнце и пить дождевую воду, не переживать ни о старости, ни о смерти. Можно ли было в этом ее винить? Сделаться изящной подвеской хорошо, но лишь до момента, пока ею кто-то не вскрыет неприятелю горло. Будучи женщиной, Фэн Сяолин с самого раннего возраста знала, что кровь липкая, дурно пахнет и не отмывается с красивых одежд — так и в чем была радостью обогреться ею?

Мирная жизнь в любви своего мужа и почитании детей, где один день похож на другой, а главная тревога утра — что съесть вечером, Фэн Сяолин вполне устраивала. Но брату с его неумным характером она такого сказать не могла, потому лишь улыбнулась и продолжила через долгое мгновение:

— Со мной все будет в порядке.

Фэн Жун, насколько позволяло его положение, деловито кивнул.

Разговор словно полноводная река лился до самого обеда. Брат и сестра имели разные характеры и разного хотели от жизни, но любили друг друга, потому поговорить им было о чем. Слуги принесли новые закуски к обеду, Чэнхуа задремала, а Баочжай с ее служанками, усевшись на низкой скамейке, играла в веревочки. Где-то за окном вновь поднялся ветер, но в комнатах Фэн Сяолин было натоплено, так что даже на висках Фэн Жуна, меж включенных от лежания на коленях сестры волосах выступила испарина. Молодой господин думал, что провел бы в этом мирном месте часы и дни, и лишь затылок его в один момент похолодел, словно предвещая что-то ужасное.

Маленький театр:

Фэн Сяолин: ...да, Жун-эр, ты явно постарался выбрать себе достойную партию.

Фэн Жун: Цзе-цзе говорит это мне? Ты вышла буквально за самого красивого и почитаемого человека столицы!

Ли Инчунь\Фу Ичжэнь: Протестую!..

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1746603>